

О делах в образовании

Александр Привалов

Образование пребывает в многослойном кризисе — и поэтому абсолютно понятна первоочередная цель нового министра. Ольга Васильева сказала журналистам в первый же день: «Прежде всего мы должны проанализировать сделанное: у нас есть очень большой опыт. Мы должны взять всё лучшее и в XIX, и в XX, и в XXI веках. И только тогда двигаться дальше».

Вот только сделать это — разобраться с итогами нескончаемой свирепой реформы, да ещё на фоне давних отечественных традиций — будет очень непросто.

Есть два достижения: они сумели добиться безукоризненной келейности принятия любых решений в контролируемой ими сфере. Решения готовятся в узком кругу, имена разработчиков никогда не указываются. Суждения, отличные от реформаторских, почти не имеют шанса прозвучать публично и совсем не имеют шанса повлиять на ход вещей реформаторов образования, которые и анализировать не надо — оба на виду. Во-первых, один или два раза Минобру пришлось-таки соглашаться на «независимые» комиссии или советы. В знак независимости туда торжественно вводили одного-двух критиканов; те заявляли свои особые мнения, особые мнения игнорировались — и точка. Важнейшая же скрепа келейности состоит в том, что деньги на исследовательские и проектные работы делятся почти исключительно между своими. То есть чужие там, в образовательной проблематике, может, кое-где ещё и ходят, но точно не финансируются — вот независимые от реформаторов точки зрения мало-помалу и переводятся. Кому новый министр сможет поручить непредвзятый анализ ситуации? По идее-то, это прямая задача Российской академии образования. Но РАО впала в растлительное соглашательское полубытие в тени реформаторов ещё до своего недавнего переформатирования, а уж после него... — ну, не знаю. Конечно, в стране хватает серьёзных специалистов, но кто-то же должен их собрать, создать им минимально необходимые условия для работы — очень хотелось бы знать, кто и когда этим займётся; своей команды, насколько известно, у нового министра нет, а её подчинённым, оставшимся от прежнего министра, таких дел поручать, думаю, не стоит.

Во-вторых, образовательные руководители воспитали у слушателей привычку к разговорам в исключительно радужных тонах. Всё, решительно всё в нашем образовании: а) хорошо и радостно; б) более хорошо и радостно, чем было вчера, и в) завтра (после очередного усовершенствования ЕГЭ) станет ещё гораздо лучше. Вот нарочно перечтите любую речь любой минобровской шишки — с гарантией найдёте все три пункта. Это даже не «приписки», а просто классическая туфта: чёрное прямо называют белым. Даже в позапрошлом году, когда выпускники написали русский и математику так скверно, что пришлось задним числом снижать границы «троек», вожди образования сумели доложить о безоговорочной катастрофе в победных тонах: мол, экзамен всегда был честный, а теперь стал совсем честный. Даже самый аккуратный переход от подобного радостного болботания, от фанфарной трескотни о компетенциях да адаптациях к правдивому анализу положения в наших школах неизбежно окажется прямым обвинением вождей образования (заметьте: кроме брошенного на украинские дела Ливанова, всё это вожди действующие — что в министерстве, что в интеллектуальных штабах реформы) в сокрытии своих провалов.

Потому что в реальности школа пребывает в состоянии критическом. Реформа создала систему всепроникающего формального контроля, не имеющего почти никаких пересечений с содержательными вопросами обучения. Чиновнику очень удобно контролировать — и не видеть, что учителю стало уже очень удобно не учить (как минимум не всех и не всему учить), а ученику весьма удобно не учиться — практически ничему.

Мы поздравляем с успешным окончанием средней школы людей, показавших — по ещё не совсем забытым советским меркам — знания в лучшем случае пятиклассника. Неточных и просто ошибочных решений, приведших нас в эту яму, быстро не исправить — не в последнюю очередь потому, что яма, повторю, слишком многим уже стала привычна и удобна. Поэтому даже если новый министр вдруг захочет взять и отменить этот самый ЕГЭ, вряд ли получится что-либо, кроме совершенно непристойной неразберихи. Система разваливается и к резким выражениям явно не способна.

Но действовать всё-таки надо — и какие-то шаги, безусловно, возможны. Так, министру Васильевой многие дают вполне бесприкрыш-

ный совет — снизить количество бумажной отчётности, чтобы у учителей стало хоть чуточку больше времени на основную работу. Последовать этому совету не так просто, как кажется (Ливанов тоже это обещал при вступлении в должность, но фактически замотал): серьёзное сокращение учительской писанины подкосит существование сонма чинов в структурах Минобра, а несерьёзное мало что даст.

Тем не менее сокращать отчётность нужно — и не только её, а вообще бюрократическое давление на школу. Нужно дать больше свободы учителю, больше полномочий школьным управляющим советам. Плохих учителей и плохие школы это не спасёт (можно подумать, чиновничий диктат их спасёт), а хорошим даст какой-никакой шанс.

Хотя, конечно, всерьёз школа оживать не начнёт, пока ей не вернут отобранные у неё выпускные экзамены), но это отдельный разговор, к которому (см. «О том, что стало со школой», «Эксперт» № 17 за 2015 год) опять-таки, к сожалению, мало кто готов.

А ведь ещё Минобр курирует и высшее образование, и науку... Может, и правда лучше его разделить на Минпросвещения (школы) и Миннауки (всё остальное)?